

В статье ставится проблема совершенствования работы правотворческого механизма в современном государстве путем более активного применения на практике форм участия в правотворчестве институтов гражданского общества. Вводится в научный оборот термин «правовое сотворчество», выражающий формат взаимодействия (коммуникации) публичной власти и гражданского общества в процессах формирования права. Рассматривается феномен делиберативной демократии как формы демократического устройства в государстве, при которой инструментарий коммуникации власти и общества выступает в качестве неотъемлемого атрибута политической и правовой деятельности. Предлагается перечень основных форм правотворческой активности гражданского общества.

Ключевые слова: государство; право; гражданское общество; публичная власть; правотворчество; правовое сотворчество; коммуникация; государственно-правовое развитие.

Василий Владиславович Трофимов, д-р юрид. наук, доцент,
директор Научно-исследовательского института государственно-
правовых исследований, профессор кафедры теории и истории
государства и права (Институт права и национальной безопасности),
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»;
magistr.pocht@yandex.ru

**КОММУНИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА ПЛАТФОРМЕ ПРАВОВОГО
СОТВОРЧЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ВЫРАВНИВАНИЯ И СТАБИЛИЗАЦИИ КУРСА
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
(введение в проблему)***

Проблема сбалансированного и стабильного развития государства есть во многом проблема качества принимаемых правовых решений нормативного характера. Это тот вопрос, который во все времена волновал как практиков, так и теоретиков государства и права. Первых (искренне проявляющих заботу о благе государства и общества) – по причине необходимости достижения государственных целей в плане регулятивного воздействия на общественные отношения. Вторых – в силу изначально присущего мотива к исследовательскому правовому поиску, в частности, – посвященного обнаружению факторов, которые либо мешают видеть в праве «писанный разум» и воплощение в нем идеи справедливости

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: «Социально-интерактивные закономерности права: проблемы методологии и теории», проект № 15-03-00238.

и формального равенства, либо могут способствовать превращению формальных юридических конструкций в эффективно функционирующие основы государственной жизни общества.

Некоторым образом, оставляя за рамками материала статьи анализ тех многочисленных негативных и позитивных факторов, которые обуславливают процесс как государство-, так и правоформирования, уместно уделить особое внимание в их числе фактору, с которым могут быть связаны искомые ожидания построения эффективной государственно-правовой системы в стране, а именно, – *фактору внедрения в процесс создания (сотворения) права* помимо государственно-властного аппарата (в данном случае, наделенного необходимыми правотворческими функциями и компетенциями) тех *неформальных социальных акторов*, которые может быть и не станут играть определяющей роли в правотворческом процессе, но как минимум позволят правотворчеству, уже начиная с предзаконодательной (предправотворческой) стадии, быть максимально взвешенным (обоснованным) и в меру – адекватным как исходным социальным потребностям, так и возможностям общества и государства эти социальные потребности осуществить (реализовать) в правовом поле, то есть путем введения соответствующих проблемных ситуаций (и способов их решения) в параметры юридических форм (общеобязательных, предполагающих выполнение, ответственность за неисполнение и пр.). В сумме эти социальные акторы и составляют *гражданское общество*, о котором начинали говорить (и представлять в философской литературе) еще древние мыслители, в идейной форме получившее обоснование в эпоху Нового времени. И в этом смысле (пока на уровне гипотезы) целесообразно ввести в научно-полемический оборот такой новый термин, как «*правовое сотворчество*» (предполагая, что оно (правовое творчество) будет осуществляться в формате коммуникации государства (публичной власти) и гражданского общества). Именно такая проблема (несмотря на некую *a prima facie* (лат. – на первый взгляд) усложненность формулировки названия темы статьи) и является в данном случае предметом рассмотрения.

Прежде чем говорить о формах правового сотворчества власти и общества, важно увидеть и понять ценность самой категории *коммуникации (взаимодействия)*, активно оперировать которой на научном уровне начинают на рубеже XIX–XX вв. (равно как в западной, так и в российской социально-гуманитарной науке). В этом плане можно привести имена таких ученых, как К. Маркс, Г. Зиммель, К. М. Тахтарев, П. А. Сорокин, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Марк ван Хук, в современной отечественной юриспруденции – А. В. Поляков, И. Л. Честнов, В. В. Трофимов, В. В. Свиридов [9] и др.

В социально-философских и социолого-правовых исследованиях научно установлено и обосновано, что коммуникация двух или более индивидов есть матрица всего социального, основа всякой социальности [11]. Это универсальный феномен, энергия которого способна творить и преобразовывать социальное (в том числе – правовое) пространство нашей жизни. Приведем в подтверждение высказывание бельгийского правоведа М. ван Хука, по мнению которого преимущество анализа правового фено-

мена в терминах коммуникации заключается в том, что такой взгляд «представляет право как средство человеческого взаимодействия, а не как самодостаточный вывод. Этот концепт делает возможным широкий, плюралистический анализ, поскольку коммуникация может быть обнаружена на различных уровнях и в различных формах. Он не ведет к разработке закрытой системы, она остается незавершенной, так как акцент делается на коммуникативном процессе, а не на фиксированных элементах, например “нормах”. Понятие коммуникации призывает учитывать различные точки зрения и призывает к диалектическому обмену точками зрения. Такой диалектический подход должен предохранить нас от одностороннего анализа и выводов» [13, с. 21].

Данное значение коммуникационных механизмов не может не обнаружить себя в правотворческом процессе как непосредственно осуществляемом по преимуществу государственными органами и направленном на создание, изменение или отмену правовых норм, в основе которого, однако, – социальные факторы. Поэтому, если этот процесс будет производиться в отрыве от общества, качество правовых норм по определению не станет высоким, поскольку в этом случае он будет осуществляться в параметрах закрытой системы, а такие системы не способны эффективно функционировать. Приведем на этот счет другое мнение, в данном случае, авторитетных отечественных философов А. С. Ахиезера и М. А. Шуровского: «Монологическая власть не может быть конструктивна по определению, так как она слепа в результате слабости обратной связи, неспособности устойчиво вовлекать значимую часть общества в масштабные качественные изменения» [1, с. 67–68].

Способность влиять на политику и право государства – одна из ключевых характеристик гражданского общества, воззрения на которое складывались параллельно с опытом обоснования идеи совершенного государства, правящего в интересах людей, живущих под его опекой и защитой. Концептуальные идеи гражданского общества стали формироваться еще с эпохи античности (Платон, Аристотель, М. Т. Цицерон), получили импульс для своего развития в эпоху Возрождения (Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Мор). Особый вклад в наполнение концепта гражданского общества характерным содержанием был осуществлен в Новое время (А. Сен-Симон, Д. Дидро, И. Бентам, И. Кант, Г. Гегель, О. Конт, Дж. Стюарт Милль, К. Маркс, М. Бакунин, Э. Дюркгейм, А. Бергсон). В XX веке над этой проблематикой работали ученые – Н. А. Бердяев, Т. Парсонс, Раймон Арон, В. Парето, Герберт Маркузе и другие мыслители.

Гражданское общество (рассматриваемое и как совокупность отношений и организаций, действующих независимо от государства и влияющих на него, и как общество внутренне свободных (духовно, психически, ментально и пр.) творческих личностей (Г. Г. Дилигенский)) – это тот коллективный социальный актор в коммуникативном пространстве власти и общества, способный оказывать конструктивное влияние на власть, тем самым позволяя достигать необходимый баланс между интересами государства, с одной стороны, и интересами личности и общества, – с другой.

Участвуя в выработке и принятии политических и правовых решений, граждане фактически становятся *соавторами* таковых, разделяя с государством (муниципальной властью) ответственность за их реализацию, у них самих же повышается заинтересованность в исполнении нормативных предписаний или в более активном использовании предоставляемых политическими институтами и правом возможностей.

Реализация возможностей активного и ответственного участия граждан, гражданских институтов в происходящих в государстве процессах (*Respublica est res populi – Государство является делом народа*. (Цицерон М. Т., «О республике») [15, с. 86]) составляет один из главных показателей идентичности и степени зрелости современного гражданского общества. Это участие должно распространяться на процессы не только экономические, социально-культурные, но также политические и правовые, поскольку именно от результатов последних зависит, насколько доступны и гарантированы будут основные социально-экономические и культурные права, свободы, в какой мере будет наличествовать цивилизованность социального существования как такового. Цицерон, рассуждая об основных добродетелях граждан в трактате «Об обязанностях», замечал, что вряд ли следует признавать заслугой самоустранение участников гражданской общины (особенно, когда речь идет о лицах, наделенных способностями) в целях сохранения личного спокойствия и во избежание каких-либо душевных тревожений от общественных или государственных дел. «Но те, кого природа наделила способностями к деятельности, должны, отбросив всякую медлительность, занимать магистратуры и вершить делами государства; ведь иначе невозможно ни управлять государством, ни проявлять величие духа» [14, с. 143]. (Кстати, те же мысли ранее высказывал и Протагор: В платоновском диалоге «Протагор» софист беседует с Сократом. В ходе беседы Протагор произносит длинную речь, доказывая, что все люди обладают зачатками политического мышления, проявляющимися в виде гражданской добродетели (πολιτικῆἀρετή), политического искусства (πολιτικῆτέχνη), справедливости (δικαιοσύνη) и рассудительности (σωφροσύνη). Софист излагает свои аргументы с помощью мифа, в котором есть такая сцена: Зевс, сжалившись над людьми, не могущими и не умеющими жить сообща, посылает Гермеса ввести среди людей стыд и правду (Plat. Protag., 322c). На вопрос Гермеса, следует ли распределить их как другие искусства, то есть уделить не всем, повелитель Олимпа велит сделать причастными им всех людей, ибо «не бывать государствам, если немногие будут этим владеть, как владеют обычными искусствами». Поэтому, дальше рассуждает Протагор, «афиняне, как и все остальные люди, когда речь заходит о плотничьем умении или о каком-нибудь другом мастерстве, думают, что лишь немногим пристало участвовать в совете... когда же они приступают к совещанию по части гражданской добродетели, где все дело в справедливости и рассудительности, тут они слушают, как и следует, совета всякого человека, так как всякому подобает быть причастным к этой добродетели, а иначе не бывать государствам» (Plat. Protag., 322d). Утверждение Протагора о том, что все люди причаст-

ны к гражданской добродетели и политическому искусству и потому способны выносить коллективное суждение по поводу государственных дел, можно рассматривать как один из существенных теоретических аргументов в пользу демократии вообще, либо афинской или современной российской, в частности (Цитаты из «Протагора» Платона даны в переводе Вл. С. Соловьева – *прим. автора*) [3, с. 115–116]. В этом ценность демократии, предоставляющей каждому миссию повлиять на свою и общую политико-правовую жизнь. Демократия, как говорил У. Черчилль, не самая хорошая форма правления, но ничего лучше человечество еще не придумало.

Для граждан возможность принять участие в политико-правовой деятельности государства важна постольку, поскольку именно на этой диалогической основе формируются предпосылки к пониманию и восприятию политико-правовых решений государственного аппарата. В свою очередь, это значимо для государства, устанавливающего каналы обратной связи с обществом, что позволяет намного более эффективно осуществлять политические и управленческие процессы [12].

Особую роль в организации политико-правовой жизни может сыграть деятельное (активное) участие гражданского общества в *процессе правового созидания* как формы реализации государственной власти. Это тем более справедливо с точки зрения того, что российская Конституция провозглашает российский народ изначальным источником власти (ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации) [2].

Опыт функционирования современной российской политико-правовой системы показывает, что далеко не всякое вводимое право может восприниматься как право необходимое, истинное, справедливое. Принимаемые правотворческие решения нередко не получают поддержки в обществе, к тому же часто меняются, что говорит об их ненадлежащей научной обоснованности, разорванности связи с общественными потребностями. Искомую глубину социализации достигает лишь то право, в создании которого непосредственно (или опосредованно) принимали участие люди.

Еще на заре эпохи перемен (1989 г.) в своем докладе «О гражданском обществе» Мераб Мамардашвили (выдающийся отечественный философ), связывая свои размышления с искусством общества и политики, заметил: «Фактом является то, что для того, чтобы испытать, действительно пережить какое-то живое чувство или живое восприятие, человек должен иметь, получить или создать сам, сотворить какую-то конструкцию...». При этом ученый соглашается с утверждением Аристотеля о том, что человек как существо политическое немислим и невозможен вне государства и вне политики: «Вне политики и государства может быть лишь Бог (наверху) или животное (внизу)» [4, с. 62–63].

Как верно замечено в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12 ноября 2009 г.: «Но перемены к лучшему происходят лишь там, где есть возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения, где граждане ценят общественную стабильность и уважают закон.

И в то же время могут брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке или городе, понимают, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии» [7].

Экстраполируя эти выводы на проблему ответственного участия институтов гражданского общества в процессах правообразования, следует констатировать тот факт, что восприятие (социализация) права и его активное использование, а также уважение к праву могут осуществляться в социально-правовой жизни и быть решены на практике лишь при условии деятельного участия в правотворчестве самих граждан. Это и есть поле так называемой *делиберативной демократии* (от англ. *deliberate* – советоваться, совместно рассматривать), где *общество* и *государство* находятся в *контакте* по данному вопросу. При этом, несмотря на то что первое передает свое «право на правотворчество», а второе (государственная и муниципальная власть) принимает на себя эту функцию, обязуясь тем самым создавать право в интересах народа, общество не должно утрачивать своей заинтересованности в том, какое право может быть создано, и что общество может «предложить», чтобы право действительно было эффективным.

Как заметил в своей статье, посвященной формам правотворчества в условиях общенародного государства, еще в середине 1960-х гг. Н. Я. Соколов: «...по способам правотворчества, по тому, насколько они обеспечивают участие народа, в значительной мере можно судить об уровне демократизма самого государства» [10, с. 126]. Демократические институты – своеобразные каналы-посредники, по которым до властных уровней доходят представления общества о желаемом праве – праве, которое, по меньшей мере, не будет игнорировать их интересы и не будет ухудшать существовавшее ранее положение; кроме того, названные демократические институты позволяют противостоять проявляемому порой в нынешней политико-правовой практике экстремному правотворчеству и другим его негативным проявлениям. (В отчете Государственной Думы РФ о состоянии российского законодательства, в частности, отмечаются такие характеристики, как избыточность нормативного вмешательства, противоречивость правового регулирования, нерешенность проблемы комплексного подхода при внесении изменений в действующее законодательство в так называемом пакетном режиме, наличие ускоренного режима рассмотрения внесенных законопроектов, направленных на решение тактических задач [5, с. 4–5]).

Собственно сама власть должна быть заинтересована в том, чтобы взаимодействовать с обществом на предмет перспектив правового развития, власть должна четко видеть возникающие в обществе проблемы и запросы, правильно дифференцировать их, и в случае необходимости подвергать соответствующей регламентации. Это предпосылка эффективности функционирования государственной власти. Если правильно и надлежащим образом наладить социально-правовой механизм обратной связи государства с обществом и поддерживать его работу без сбоев, то у политико-правовой системы будут все основания для поступательного роста

за счет не только «внешних» (формализованных), но и «внутренних» (социальных) ресурсов.

Перечислим основные формы коммуникативного право-сотворчества (предполагающего участие общества): 1) демократические выборы; 2) референдум и/или непосредственное правотворчество народа; 3) народная правотворческая инициатива; 4) петиции; 5) публичные слушания (предварительные всенародные обсуждения); 6) институт правового лоббизма; 7) форма электронной демократии; 8) краудсорсинг (привлечение к решению проблем широкого круга лиц с использованием современных телекоммуникационных технологий); 9) государственное санкционирование нормативных актов, выработанных общественными организациями; 10) правотворческая деятельность общественных организаций, связанная с осуществлением переданных им функций государственных органов (правотворческое делегирование) и др.

Очевидно, что коммуникативных вариантов выражения правообразующей активности общества немало, причем все они (или практически все) имеют в той или иной степени законодательное закрепление и могут быть при условии надлежащей готовности общества реализованы в действительности, в практике социально-политической и правовой жизни российского общества. Однако нельзя не отметить, что сегодня многие из названных форм не реализуются либо реализуются не в полной мере. Это связано с целым комплексом причин: отсутствие четкой и системной законодательной регламентации механизмов участия общества в принятии политико-правовых решений (законодательство, предлагая возможности, далеко не во всем предоставляет механизмы их реализации; многие меры остаются пока на уровне указного нормотворчества и пр.); должного уровня политической и правовой грамотности; пассионарности российского населения (о чем говорилось в одном из посланий Федеральному собранию РФ Президента РФ – В. В. Путина: «Ужесточается конкуренция за ресурсы... Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от ее внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, – “от пассионарности, от способности к движению вперед и к переменам”» [8]).

Таким образом, нужна работа соответствующих демократических механизмов в процессах формирования права. Как отметил в свое время в интервью изданию «Российская газета» в рубрике «Юридическая неделя» Владимир Плигин: «...общество, с моей точки зрения, обязано, и мы должны для этого предпринимать усилия, становиться соавтором законов. Если общество станет соавтором законов, это обеспечит общее признание этих законов, т. е. легитимизирует закон, сделает его воспринимаемым. Поэтому общество должно находить разного рода механизмы участия в этом – проводить обсуждение на разного рода форумах, экспертных советах» [6].

Правотворчество – один из наиболее важных и ключевых сегментов политико-правовой жизни государства, поэтому гражданское общество не

может и не должно допускать принятия безответственных и вредных для общества законодательных решений, от которых в целом зависит социальная жизнь, в том числе правовая жизнь общества и его представителей (в лице отдельных граждан, общественных организаций) и, в свою очередь, – предпринимать усилия к тому, чтобы в рамках этого процесса принимались благоприятные для развития общества и личности политико-правовые решения.

Список литературы

1. **Ахиезер А. С., Шуровский М. А.** От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 58 – 70.
2. **Конституция** Российской Федерации 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014 г. № 31. Ст. 4398.
3. **Кудрявцева Т. В.** Греческие философы о демократии: pro et contra // Философия и общество. 2008. № 1 (январь – март). С. 112 – 126.
4. **Мамардашвили М. К.** Сознание и цивилизация: тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 272 с.
5. **Отчет** о состоянии российского законодательства в 2014 году / Отв. ред. А. А. Клишас, В. Н. Плигин. М.: [б. и.], 2014. 112 с.
6. **Плигин В. Н.** Интервью изданию «Российская газета» (Неделя) в рубрике «Юридическая неделя» // Российская газета (Неделя). 2014. № 53 (6325) – 6 – 12 марта. С. 26.
7. **Послание** Президента Российской Федерации Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/5979> (дата обращения: 11.02.2018).
8. **Послание** Президента Российской Федерации Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118> (дата обращения: 11.02.2018).
9. **Свиридов В. В.** Проблема взаимодействия права и общества в российской социологии начала XX века (репрезентативный взгляд) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 12. С. 134 – 139.
10. **Соколов Н. Я.** Формы правотворчества в условиях общенародного государства // Советское государство и право. 1965. № 7. С. 126 – 130.
11. **Трофимов В. В.** Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Придворова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 148 с.
12. **Трофимов В. В.** Участие институтов гражданского общества в правовой жизни : В кн. Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 173 – 200.
13. **Хук М. ван.** Право как коммуникация. СПб. : ИД С.-Петербург. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.
14. **Цицерон М. Т.** Об обязанностях / Пер. с лат. В. Горенштейна. М. : Изд-во АСТ, 2003. 300 с.
15. **Чичерин Б. Н.** История политических учений. Ч. 1. Древность и средние века. М. : Типография Грачева и Комп., у Пречистенских вор., д. Шиловой, 1869. 444 с.

References

1. **Akhiezer A.S., Shurovskii M.A.** [From Dialogue to Dialogization (in the Light of V.Bibler's Concept)], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2005, no. 3, pp. 58-70 (In Russ.)
2. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the RF Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation no. 6-FKZ dated 30.12.2008, no. 7-FKZ dated 30.12.2008, no. 2-FKZ dated 05.02.2014, no. 11-FKZ dated 21.07.2014) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, article 4398. (In Russ.)
3. **Kudryavtseva T.V.** [Greek philosophers about democracy: pro et contra], *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 2008, no. 1 (January-March), pp. 112-126 (In Russ.)
4. **Mamardashvili M.K.** *Soznanie i tsivilizatsiya: teksty i besedy* [Consciousness and civilization: texts and conversations], Moscow: Logos, 2004. 272 p. (In Russ.)
5. [Report on the state of Russian legislation in 2014] *Otchet o sostoyanii rossiiskogo zakonodatel'stva v 2014 godu*, Otv. red. A.A. Klishas, V.N. Pligin, Moscow: [b. i.], 2014. 112 p. (In Russ.)
6. **Pligin V.N.** [Interview to the Rossiyskaya Gazeta weekly (Week) under the heading "Legal Week"], *Rossiiskaya gazeta (Nedelya)*. [Rossiyskaya Gazeta (Week)], 2014, no. 53 (6325), 6-12 March, p. 26 (In Russ.)
7. <http://news.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/5979> (accessed 11 February 2018).
8. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118> (accessed 11 February 2018).
9. **Sviridov V.V.** [The problem of interaction of law and society in the Russian sociology of the beginning of the XX century (representative view)], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: The humanities], 2015, no. 12, pp. 134-139 (In Russ., abstract in Eng.)
10. **Sokolov N.Ya.** [Forms of law-making in the conditions of the state of the whole people], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1965, no. 7, pp. 126-130 (In Russ., abstract in Eng.)
11. **Trofimov V.V.** *Vzaimodeistvie individov kak pravoobrazovatel'nyi protsess: obshcheteoreticheskiy aspekt* [Interaction of individuals as a law-formation process: a general theoretical aspect], Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2002, 148 p. (In Russ.)
12. **Trofimov V.V.** In: "Pravovaya zhizn' sovremennogo rossiiskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty" [The legal life of modern Russian society: levels, sections, segments], Moscow: Yurlitinform, 2016, pp. 173-200. (In Russ.)
13. **Khuk M. van.** *Pravo kak kommunikatsiya* [Law as Communication], St. Petersburg: ID S.-Peterb. gos. un-ta, Universitetskii izdatel'skii konsortsiy, 2012. 288 p.
14. **Tsitseron M.T.** *Ob obyazannostyakh* [About duties], Moscow: Izd-vo AST, 2003, 300 p. (In Russ.)
15. **Chicherin B.N.** *Istoriya politicheskikh uchenii. Ch. 1. Drevnost' i srednie veka* [History of political doctrines. Part 1. Antiquity and the Middle Ages], Moscow: Tipografiya Gracheva i Komp., u Prechistenskikh vor., d. Shilovoi, 1869, 444 p. (In Russ.)

**INTERACTION OF CIVIL SOCIETY AND PUBLIC AUTHORITY
THROUGH COLLABORATIVE LAWMAKING AS A SOCIAL
INSTRUMENT OF LEVELING AND STABILIZING
THE STATE LEGAL DEVELOPMENT
(INTRODUCTION TO THE PROBLEM)**

V. V. Trofimov, *Doctor of Law, Associate Professor,
Director of the Research Institute of State and Legal Studies,
Professor of Department of Theory and History
of State and Law (Institute of Law and National Security),
G.R. Derzhavin Tambov State University;
magistr.pocht@yandex.ru*

The article raises the problem of improving the work of the law-creating mechanism in the modern state through the more active participation of civil institutions in lawmaking practices. The term "collaborative lawmaking", which expresses the format of interaction (communication) of public authorities and civil society in the processes of creating laws is introduced into scientific circulation. The phenomenon of de-liberal democracy as a form of democratic organization in the state is considered; communication between government and society is an integral part of political and legal activity. A list of the main forms of law-making activity of civil society is proposed.

Keywords: the state; right; civil society; public authority; law-making; legal co-creation; communication; state-legal development.

© В. В. Трофимов, 2018

Статья поступила в редакцию 01.12.2017 г.